
РЕФЕРАТЫ И АННОТАЦИИ ИЗДАНИЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

Рефераты подготовила ассистент кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии Мануилова Е.

Дремина-Волок Н. В. Концепция преступлений ненависти («hate crime») в контексте проблемы расовой дискриминации / Н. В. Дремина-Волок // сборник «Криминология в Украине и противодействие преступности». – 2008. – С. 156-161.

Статья посвящена концепции преступной ненависти («hate crime»). Автор отмечает, что термин («hate crime») внедрен в законодательство многих стран, его можно рассматривать как юридическую квалификацию особого рода преступлений, совершаемых под влиянием чувства крайней неприязни, («ненависти») к лицам иной расы, национальности, вероисповедания, этнического происхождения, политических убеждений, пола или сексуальной ориентации, инвалидам. Но при этом во многих случаях квалификация преступления как «преступления на почве ненависти» ужесточает уголовное наказание (С. 155).

Дремина-Волок Н. В. подчеркивает, что в настоящее время расовая дискриминация – одна из тех трагических проблем человечества, которые сохраняют свою актуальность на протяжении многих веков (С. 158).

По мнению автора, расовая дискриминация в Украине не имеет глубинных исторических корней, но она имеет глубокие социальные и психологические корни, связанные с невосприятием «чужого», социальной дезорганизацией, маргинализацией беднеющих слоев населения. Отсутствие иммунитета к опасной социальной болезни может привести к ее острому и крайне опасному течению (С. 159).

В итоге автор приходит к выводу, что государство и общество не может закрывать глаза на увеличение количества инцидентов на почве расовой нетерпимости. Соответственно, исследование феномена «hate crime» и разработка мер, направленных на противодействие проявлениям расовой дискриминации, должна стать одним из важных направлений научных исследований (С.161).

Дремина-Волок Н.В. Нормы *jus cogens* как фундамент современного международного правопорядка / Н. В. Дремина-Волок // сборник «Сучасний правопорядок: національний, інтеграційний та міжнародний виміри». – 2008. – С. 106-107.

В статье рассматриваются нормы *jus cogens* как фундамент современного международного правопорядка. Автор указывает, что характерной чертой современного правопорядка является увеличение роли императивных норм в механизме международно-правового регулирования. Именно уровень соблюдения норм права как результат эффективности государства в содействии превентивным и охраняемым способам отображает состояние правопорядка внутри государства (С. 106).

Автор подчеркивает, что государство полагает правовые усилия в обеспечении национального правопорядка в защите императивного статуса норм внутреннего права: взгляд за их общеобязательным соблюдением и применении принуждения в случаях нарушения этих норм (С. 106).

Дремина-Волок Н. В. отмечает, что нормы *jus cogens* – это не отдельный источник международного права, особенный статус конкретных его норм, которые могут существовать в форме договора и/или обычая (С. 107).

В итоге автор приходит к выводам, что международное сообщество, которое является более угрожающим для поддержания мирового правопорядка, и создало правовой механизм для предупреждения такого поведения – дало соответствующим нормам статус *jus cogens*. Именно эти нормы составляют фундамент современного международного правопорядка (С. 107).

Дремина Н. В. Юрисдикция международных уголовных судов и трибуналов: монография / Н. В. Дремина-Волок. – О.: Фенікс, 2006.

Монография посвящена исследованию генезиса, доктринальных подходов, юридической природы, содержанию и условиям содействия юрисдикции международных уголовных судов и трибуналов, выявлению основных тенденций и оптимального механизма его развития. Рассматривается юрисдикция Нюрнбергского и Токийского трибуналов, международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, Специального суда по Сьерра-Леоне, постоянного Международного уголовного суда. Сформулировано понятие юрисдикционного режима и его принципы, среди которых выделены требования легитимности, целостности и единства.

Зелинская Н. А. Международные преступления и международная преступность: монография / Н. А. Зелинская. – О.: Юрид. літ., 2006.

Монография содержит комплексное междисциплинарное исследование категорий «международное преступление» и «международная преступность», имеющее целью создание целостной теории, которая позволила бы обеспечить концептуально-нормативную общность научной и практической интерпретации этих понятий в контексте международного реагирования на преступность. Предлагается классификация международных преступлений, в основу которой положены критерии, характеризующие источник криминализации право-

нарушения и юрисдикцию, под которую оно подпадает. Особое внимание уделяется международной политической преступности, в частности такой форме ее проявления, как терроризм. Исследуются доктринальные и практические аспекты применения принципа невыдачи политических правонарушителей.

В монографии сформулирована концепция транснационального уголовного права и дается определение транснационального преступления: анализируются международно-правовые стандарты криминализации некоторых видов правонарушений. Рассматриваются феномены «макропреступности» и составляющие ее деяния, криминализованные международным правом.

Зелинская Н. А. Международно-правовая концепция международного преступления / Н. А. Зелинская. – К.: 2007.

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.11 – международное право. – Институт законодательства Верховной Рады Украины. – Киев, 2007.

Диссертация посвящена созданию целостной международно-правовой теории, позволяющей идентифицировать понятие «международное преступление» и обеспечить концептуально-нормативную общность его научной и практической интерпретации в контексте международного реагирования на преступность. В работе исследуются генезис и юридическая природа международных преступлений, формулируется международно-правовое определение этого понятия. Автор исходит из того, что концепция международных преступлений, в широком смысле, охватывает все преступления, которые влекут за собой возникновение правового интереса международного значения и подлежат солидарному уголовному преследованию в рамках международной и/или национальной уголовной юрисдикции. Сущность современного понятия международного преступления заключается в его относительной автономии от критериев преступного и наказуемого, содержащихся в национальном праве. В качестве одного из вариантов классификации международных преступлений предлагается подход, основанный на сочетании двух формальных параметров: характере юрисдикции, под которую подпадает правонарушение, и источнике его криминализации. То обстоятельство, что деяние подпадает под юрисдикцию двух и более государств, отражает международную распространенность преступления и/или динамизм преступника как объективное свойство преступной деятельности и постпреступного поведения лица; криминализация такого деяния является формальным фактором, отражающим источник уголовно-правового запрета, нарушенного преступлением. Сочетание множественной либо международной криминальности и множественной либо международной юрисдикции позволяет выделить три категории международных преступлений: 1) международное экстрадиционное преступление; 2) транснациональное преступление; 3) международно-правовое преступление.

Международное преступление является основной категорией международного уголовного права – отрасли международного права, включающей в себя две подотрасли. Первая подотрасль – «международное уголовное право

«*stricto sensu*» регламентирует основания и порядок привлечения индивидов к уголовной ответственности органами международной уголовной юстиции. Вторая подотрасль – транснациональное уголовное право – представлена комплексом международно-правовых норм, имеющих отношение к международному сотрудничеству в противодействии транснациональной преступности, и включает в себя транснациональное материальное уголовное право, транснациональное процессуальное уголовное право, транснациональное уголовно-превентивное право.

В работе содержится ретроспективный анализ становления понятия «экстрадиционное преступление», формирование принципа невыдачи политических правонарушителей, акцентируется внимание на правовой регламентации и практике применения этого принципа к лицам, обвиняемым в совершении актов терроризма. Исследуется юридическая природа транснационального преступления, формулируется понятие транснациональной криминализации; анализируются международно-правовые нормы, содержащие конвенционное определение транснационального организованного преступления, а также международно-правовые стандарты криминализации правонарушений; рассматриваются процесс и перспективы принятия всеобъемлющей антитеррористической конвенции; высказываются предложения, направленные на достижение концептуальной четкости и согласованности понятий «терроризм» и «террористические преступления»; исследуются формирование международного антитеррористического финансового режима и его превентивное значение. Особое внимание уделено международному преступлению *stricto sensu*, которое появилась как категория, связанная с международной юстицией. Нюрнбергским и Токийским прецедентами международное право реализовало свою собственную конструкцию международного преступления, обнаружив способность криминализовать деяние, не являющееся преступлением по национальному праву. В работе подробно исследуются доктринальные и практические аспекты развития концепции международного преступления *stricto sensu* как основания уголовной ответственности индивида по международному праву; выделены и описаны его модификации («нюрнбергская», «постнюрнбергская», «гагская» и «римская»). Сформулированы предложения, направленные на правовое обеспечение эффективности международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, имплементацию международных стандартов уголовного права и правосудия.

Бондаренко Н. А. Проблемы ответственности за морской терроризм и пиратство / Н. А. Бондаренко // сборник «Актуальные проблемы государства и права», Вып. 3. – О.: Юрид. лит., 1996. – С. 83-86.

В статье рассматривается проблема морского терроризма и пиратства. Автор указывает, что социально-экономические факторы привели к возрождению такого общественно-опасного посягательства как пиратство, и его разновидности – морского терроризма (С. 83).

Криминологическая характеристика пиратства и морского терроризма определяется их количественным и качественным ростом. Мировые масштабы

морского терроризма и пиратства характеризуются резким увеличением их численности, в том числе и в отношении судов Украины, ростом причиняемого ущерба, расширением географии и масштабов преступной деятельности, использованием последних достижений современной техники для обеспечения вооруженности, организационным характером и преступным профессионализмом поведения виновных (С. 84).

Автор подчеркивает, что международно-правовые нормы применяются к соответствующим уголовно-правовым отношениям именно посредством их трансформации, то есть преобразования в нормы внутригосударственного законодательства (С. 85).

В статье сделан вывод, что отсутствие специальных норм не акцентирует внимания на значимость борьбы с ними, не охватывает воедино всех признаков этих преступлений, не отражает посягательство на безопасность морского судоходства. Посягательство на безопасность мореплавания позволяет определить место норм об ответственности за морской терроризм и пиратство в системе. Такие нормы должны самостоятельно устанавливать ответственность за терроризм на море и пиратство. Совпадение некоторых объективных признаков этих преступлений не ликвидирует имеющихся в них существенных различий (С. 86).

Бондаренко Н. А. Международные и уголовно-правовые нормы о действии закона в пространстве / Н. А. Бондаренко // сборник «Актуальные проблемы государства и права», Вып. 18. – О.: Юрид. лит., 2003. – С. 780-785.

Статья посвящена международным и уголовно-правовым нормам о действии закона в пространстве. Автор обращает внимание на то, что преступления, совершаемые на территории государства, подлежат юрисдикции этой страны. Если преступление совершено на иностранном торговом судне, находящемся в территориальных водах Украины, ответственность наступает по украинскому уголовному законодательству (С. 780).

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., исходя из этого правила, устанавливает ограничения, признавая, что в случаях совершения преступления на иностранном судне, пребывающем в территориальных водах другого государства, без захода в его порты, его виновный и потерпевший являются гражданами государства флага судна, то действует в применении Закона приоритет такого государства (С. 780).

Автор отмечает, ранее действующая конвенция об Открытом море 1958 г. предусматривала уголовную юрисдикцию прибрежного государства в отношении иностранных судов, пребывающих в территориальных водах.

Практически, если иностранное судно следовало через территориальные воды другого государства без захода в его порты, то уголовная юрисдикция не осуществлялась (С. 781).

Если государство, на территории которого совершено преступление, не привлекло к ответственности виновного, такое лицо подлежит ответственности по принципу гражданской принадлежности.

Государство в некоторых случаях практически игнорирует привлечение к ответственности иностранцев на основе принципа территориальности, поэтому учетом обязательности уголовной ответственности за совершенное преступление она должна наступать по принципу гражданства.

Международным принципом применения уголовного закона является выдача преступника с учетом его гражданской принадлежности, если такое лицо не привлечено к уголовной ответственности по принципу территориальности.

Бондаренко Н. А. подчеркивает, что международные соглашения, в частности конвенции о борьбе с захватом и угоном воздушных судов, допускают привлечение к уголовной ответственности по законам страны пребывания преступника или его безусловной выдаче. Ряд стран, особенно те, которые по конституциям допускают наличие двойного гражданства (бипатриды), предусматривают возможность ответственности в любой из этих стран по месту нахождения преступника (С. 784).

В итоге автор пришел к выводу, что действует два принципа – универсальный и реальный. Но эти два принципа необходимо отличать. Если универсальный принцип, основываясь на международных соглашениях, заключаемых в том, что все лица, иностранцы, лица без гражданства, проживающие постоянно в Украине, подлежат ответственности за преступления, предусмотренные международными конвенциями, то реальный принцип предполагает ответственность таких лиц в Украине за совершение за ее пределами особо тяжких преступлений против прав и свобод граждан Украины, т. е. реальный принцип содержит меньше «международного» элемента. Но оба указанных принципа отражают стремление нашего государства защитить права и свободы граждан Украины, интересы государства от преступных посягательств даже тогда, когда они совершаются на территории других государств. Оба принципа, в конечном счете, основываются на общепринятых нормах международного права (С.785).

Дремина-Волок Н. В. Международная уголовная ответственность за геноцид: анализ прецедентной практики международного трибунала по бывшей Югославии / Н. В. Дремина-Волок // сборник «Актуальні проблеми європейської інтеграції», Вып. 3. – 2008. – С. 156-161.

В статье рассматривается Международная уголовная ответственность за геноцид: анализ прецедентной практики международного трибунала по бывшей Югославии. Автор отмечает, что обширная территория Югославии стала очагом человеческого страдания – страдания людей разных национальностей (С. 397).

Как отмечает Н. В. Дремина-Волок, в конкретных условиях бывшей Югославии учреждение Советом международного трибунала и судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, способствовали бы восстановлению и поддержанию мира, и действуя на основании Главы VII Устава Организации Объединенных Наций, Совет Безопасности в своей исторической резолюции № 827 от 25 мая

1993 г. постановил «учредить Международный трибунал с единственной целью судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии в период с 1 января 1991 г. и по дату, которая будет определена Советом Безопасности после восстановления мира, и утвердить для этого Устав Международного трибунала (С. 397-398).

Автор отмечает, что геноцид является тягчайшим международным преступлением, которое не должно оставаться безнаказанным. Согласно Уставу, геноцидом названы следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) умышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Как видим, содержащееся в Уставе определение геноцида воспроизводит дефиницию, содержащуюся в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. Геноцид, вне всякого сомнения, является преступлением против общего международного права (С. 398-399).

По мнению автора, для того, чтобы противоправные деяния могли быть квалифицированы как геноцид, необходимо, во-первых, установить дискриминационную природу действий виновного, и, во-вторых, цель уничтожения идентифицированной группы, тотального или частичного.

Дискриминационная природа действий, образующих геноцид, предполагает, что преступник обращает эти действия против лиц, принадлежащих к группе, которую он стремится уничтожить. Коллективная жертва преступления геноцида – человеческая группа. Преступление направлено не только против большого или меньшего количества людей, но и против группы, которая является окончательной целью и жертвой этого тягчайшего преступления (С. 400).

Автор указывает, что понятие «геноцид» охватывает только те действия, обозримое или вероятное последствие которых – полное или частичное разрушение группы (С. 402)

Таким образом, автор отмечает, что специфика субъектной стороны рассматриваемого вида международно-правовых преступлений выражается в специальном намерении – «геноцидальном» – намерении, которое придает действиям виновных лиц особый характер, выделяющий геноцид из двух преступлений против международного гуманитарного права и общеуголовных преступлений. Геноцидальное намерение может быть проявлено в двух формах. Во-первых, оно может заключаться в желании истребления очень большого количества членов группы – массовое уничтожение; во-вторых, оно может выражаться в стремлении уничтожить ограниченное число людей, отобранных

для оказания воздействия, имеющего существенное значение для выживания группы – «выборочное» уничтожение (С. 403).

Автор пришел к выводу, что практика Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии оказала большое влияние на формирование четких элементов понятия «геноцид» как преступления, являющегося основанием для привлечения индивида к ответственности органами международной уголовной юстиции.

Международная юстиция помогает прервать бесконечный цикл мести и насилия. Она способна содействовать тому, чтобы международные преступления не оставались безнаказанными. Когда национальная система функционирует неэффективно, международное сообщество не может безучастно смотреть на грубейшие нарушения прав человека и должно положить конец повсеместной безнаказанности (С. 406).

Дремина-Волок Н. В. Юрисдикционный режим международных уголовных судов: понятие и перспективы развития / Н. В. Дремина-Волок // сборник «Актуальні проблеми політики», Вып. 30. – 2007. – С. 186-192.

Автор отмечает, что юрисдикция является одной из центральных категорий международного уголовного права. Традиционно понятие «юрисдикция» тесно связано с понятием «суверенитет» и нередко трактуется как равнозначное ему (С. 186).

Как указывает Н. В. Дремина-Волок, юрисдикция рассматривается в двух аспектах: широком и узком. В широком понимании, юрисдикция рассматривается как право каждого государства создавать национальное законодательство и обеспечивать его исполнение. Это право реализуется тремя способами относительно к трем отраслям государственной власти.

В узком значении термин «юрисдикция» издавна отождествляется как судебная юрисдикция (С. 197).

По мнению автора, юрисдикция, в том числе юрисдикция международных уголовных судов, имеет несколько параметров, соответственно к ним относят такие виды: 1) предметную – *ratione materiae* (при обстоятельствах, связанных с предметом рассмотрения); 2) пространственную – *ratione loci* (при обстоятельствах, связанных с местом); 3) временную – *ratione temporis* (при обстоятельствах, связанных со временем); 4) персональную – *ratione personae* (при обстоятельствах, связанных с субъектами).

Понятие «уголовная юрисдикция» является категорией и национального и международного права. Международно-правовая интерпретация понятия юрисдикции международного судебного органа не ограничивается вопросами между его компетенцией. Нормативный комплекс, который регламентирует правовые основания юрисдикции, условия и порядок его осуществления, предметную, пространственную, временную, персональную границы юрисдикции и другие юридические аспекты применения и деятельности международного уголовного суда, может быть назван юрисдикционный режим данного суда (трибунала) (С. 188).

Как отмечает Н. В. Дремина-Волок, в основе идеи международной уголовной юрисдикции лежит извечное стремление человека и человечества к миру и справедливости. Путь к миру через торжество справедливости и путь к справедливости с помощью установления мира определяют непрерывное развитие этой идеи, несмотря на, казалось бы, неодолимые препятствия, которые возникают вследствие политических событий и научных догм. Когда национальная система функционирует неэффективно и не может надлежащим образом принимать меры в ответ на злодеяния, причиненные в пределах ее юрисдикции, международное сообщество не может безразлично смотреть на системные и широкомасштабные нарушения прав человека. Оно должно взять на себя ответственность за защиту мирных жителей и положить конец повседневной безнаказанности. Необходимо бороться с «культурной безнаказанностью», обеспечивать отправление справедливого и беспристрастного правосудия относительно лиц, подозреваемых в совершении преступления против человечества. Это является несомненным и весомым вкладом в процесс возобновления мира (С. 190).

В итоге автор пришел к выводу, что сегодня как никогда чувствуется острая проблема в функционировании судебных органов, которые имеют международную уголовную юрисдикцию. Международная уголовная юстиция помогает прервать неоконченный цикл мести и насилия. Она способна содействовать тому, чтобы международные преступления не оставались безнаказанными, и, по возможности, предотвращались или неотложно останавливались. Украина не должна оставаться в стороне от усилий, которые осуществляет всемирное сотрудничество. Признание юрисдикции Международного уголовного суда – путь к полноправному участию в осуществлении международного правосудия и в тоже время дополнительный стимул для соблюдения общепризнанных международных стандартов и принципов содействия правосудия. Для устранения правовых препятствий к ратификации Украиной Римского Статута Международного уголовного суда и создания предисловия для сотрудничества со всеми легитимно основанными международными судебными органами, которые имеют уголовную юрисдикцию, целесообразно, на наш взгляд, дополнить Конституцию Украины такими положениями: «Украина может признать юрисдикцию Международного уголовного суда, основанного Римским Статутом Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года, и также другими органами международной уголовной юстиции, основанных соответственно на международном праве». В случае ратификации Украиной Римского Статута Международного уголовного суда целесообразно принять Закон Украины «О сотрудничестве с Международным уголовным судом и другими органами международной уголовной юстиции», который регламентировал бы, среди прочего, порядок принятия решений о передаче ситуации Международному уголовному суду, признания юрисдикции другого органа международной уголовной юстиции, приношения протеста против юрисдикции Международного уголовного суда, исполнение поручения Международного уголовного суда и других органов международной уголовной юстиции, которое включает арест

и предоставление в их распоряжение лиц, которые находятся под юрисдикцией Украины (С. 191-192).

Буроменский М. Некоторые суждения о понятии международного уголовного права / М. Буроменский // сборник «Вісник академії правових наук України», 2003. – С. 359-370.

Последнее время интерес к международному уголовному праву существенно возрос во всем мире. Этот термин все чаще встречается как в отечественных, так и зарубежных исследованиях (С. 359).

Автор отмечает, что в науке международного права обозначилась тенденция рассматривать международное уголовное право как чрезвычайно широкое явление, которое охватывает почти все международно-правовое сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. Такой подход, явно, требует некоторых критических комментариев (С. 360).

М. Буроменский подразделяет международное уголовное право на несколько этапов.

1) *Зарождение международного сотрудничества в борьбе с преступностью.*

Автор указывает, что международное сотрудничество по правовым вопросам, неотъемлемой частью которого является сотрудничество в борьбе с преступностью, относится к истории древнего мира и первично было связано с необходимостью защиты права собственности и борьбы с очень ограниченным кругом преступлений (С. 360).

Как утверждает М. Буроменский, важнейшие предисловия международного сотрудничества в борьбе с преступностью в его современном понимании начали зарождаться в странах Европы со второй половины XVII ст. Именно в этот период вместе со становлением государственного суверенитета возникают и его важнейшие атрибуты, что существенно влияет на формирование в XVIII – XIX ст., основные направления в международно-правовом сотрудничестве по борьбе с преступностью – правовой помощи в уголовных делах и унификации уголовного законодательства государств (С. 360-361).

2) *Возникновение международного сотрудничества в области правовой помощи в уголовных делах.*

Автор считает, что государства вовсе не готовы унифицировать свои уголовные законы в условиях становления своего государственного суверенитета как в конце VII, так и в XIX ст. – международно-правовая доктрина на деле намного опережала готовность политиков и возможность практики. Наиболее приемлемые на тот период были такие формы международного сотрудничества, которые сохраняли для государства широкие области суверенного рассмотрения (это был период расцвета абсолютизма государственного суверенитета) в настолько деликатной сфере, как борьба с преступностью (С. 361).

Как указывает автор, именно на основании развития принципов пространственного действия уголовного закона (в основе которых лежит идеоло-

гия государственного суверенитета) государства расширили пространственное действие своего уголовного закона относительно своих подданных (граждан), которые совершили преступление за границей. Очевидный отход государств от права какого-нибудь сюзерена наказывать преступника, что существовало в средневековье, требовало изготовления таких правовых процедур, использования которых разрешало бы обеспечить пространственное действие уголовных законов. Договоры про экстрадицию были более расширены в XIX – в начале XX ст. и не потеряли своего значения в современных межгосударственных отношениях (С. 361-362).

3) *Возникновение международного сотрудничества касательно унификации уголовного законодательства.*

Автор указывает, что другим важнейшим последствием государственного суверенитета, который оказал существенное влияние на международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью, стало закрепление в государственном (конституционном) праве принципа невыдачи иностранному государству собственных подданных (граждан). Этот принцип имеет, прежде всего, европейское происхождение. Со временем его взяли за основу и начали применять почти все государства (С. 362).

Это направление исторически развивалось намного медленнее, поскольку касалось необыкновенно деликатной сферы государственного суверенитета – формирование уголовно-правовой политики, которую государства традиционно относили к своей исключительно внутренней компетенции. Именно в договорах про унификацию уголовного законодательства укрепилась в те годы идеология международного уголовного права (С. 362).

Буроменский М. считает, что основная часть действующих на сегодня международных договоров про унификацию уголовного законодательства заключалась во второй половине XX ст. Они, как и договоры про экстрадицию, в наше время претерпели определенные изменения. В частности, во все договора про унификацию уголовного законодательства начали включать норму о невыдаче, а иногда – норму о сотрудничестве следственных органов (С. 363).

4) *Развитие доктрины международного уголовного права*

По мнению автора, основное внимание было сосредоточено не на том, какое государство имеет право наказывать преступника, а на неотвратимости самого наказания. При этом какое-либо преступление рассматривается как такое, которое естественно покушается на общий мировой правопорядок. Значение внутреннего правопорядка отдельных государств как самостоятельных сводилось к минимуму. Именно на первый план выдвигается идея полной унификации уголовного законодательства государств на основе международного уголовного кодекса и провозглашения международной уголовной юрисдикции (С. 363).

Автор делает вывод, что на деле унификация уголовного законодательства государств является очень далекой от совершенства. Например, в Украине, России, Польше и Франции и многих других государствах в среднем лишь около 10 % составов преступления, закрепленных в уголовных кодексах, сфор-

мулировано на основе аналогов с международных договоров. Государства к такой унификации пока не готовы, хотя существенное движение в этом направлении, безусловно, сохраняется. В то же время в доктрине концепция международного уголовного права опять приобретает значительное количество поклонников (С. 364).

5). *Международное уголовное право: современная доктрина и практика*

Как указывает автор, что сегодня возникает возможность говорить о формировании международного уголовного права. Международное уголовное право нужно рассматривать как совокупность международно-правовых норм, которые устанавливаются на данном этапе по развитию преступности и наказания более серьезных и таких, которые вызывают обеспокоенность всего международного сообщества, посягательств на международный мир, международную безопасность, человечество. С целью решения этого задания в международном уголовном праве определено деяние, что есть преступлениями, устанавливает наказания, которые подлежат применению к лицам, которые совершили такие преступления, и также определены международные органы, которые осуществляют международную уголовную юрисдикцию (С. 365).

Буроменский М. считает, что под международной уголовной юрисдикцией нужно понимать право международных судебных органов согласно со своей компетенцией рассматривать и решать уголовные дела. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью не порождает международной уголовной юрисдикции, а только определяет особенности национальной юрисдикции в условиях, оговоренных в международных договорах. Первым правовым актом, который закрепляет возможность применения международной уголовной юрисдикции, был Статут Нюрнбергского военного трибунала (С. 366).

б) *Международное сотрудничество по борьбе с преступностью или международное уголовное право?*

По мнению автора, такая постановка вопроса возникает в связи с тем, что идея международного уголовного права нередко, по сути, поднимает собой международное сотрудничество в борьбе с преступностью (С. 366).

Как считает автор, такой подход является широким и ведет к смешиванию собственно международного уголовного права с международным сотрудничеством в борьбе с уголовной преступностью, в конечном результате и с национальным уголовным правом. Особенно четко это видно в определении предмета отрасли международного уголовного права, которое предлагается авторами учебного пособия «Международное уголовное право»: становления ответственности субъектов международного права и наказания лиц, виновных в совершении международных преступлений и преступлений международного характера, а также общеуголовных преступлений, что нарушают установленный международным сотрудничеством и отдельными государствами правопорядок, как на основе международных соглашений, так и с помощью национальных правовых систем» (С. 367).

Буроменский М. считает, что этого делать нельзя, поскольку фактически желаемое выдается за действительное (С. 367).

Автор утверждает, что особенностью договоров об унификации уголовного законодательства является то, что:

- они имеют, прежде всего, координационный характер;
- они не предназначены для использования международными судебными органами;
- их цель – содействовать сближению национальных уголовных законов в борьбе с некоторыми более безопасными преступлениями;
- нормы этих договоров непосредственно не предназначены для квалификации деяний как преступных;
- главное задание этих договоров – сформулировать более содержательную модель состава преступления, с учетом которой в национальном законодательстве будет проведена имплементация;
- какой-нибудь из этих договоров является факультативным. Не существует международно-правовой нормы, которая обязывает укладывать международные договора про унификацию уголовного законодательства;
- ни один из таких договоров не касается самого важного вопроса о видах и мерах наказания, предоставляя право руководствоваться в этом вопросе правосознательностью, что граничит с произволом (С. 368).

По мнению автора в мире сохраняется широкая отрасль международно-правового сотрудничества в борьбе с преступностью. Эта отрасль сотрудничества постоянно возрастает за счет проявления государствами интереса к расширению мер противодействия тем или иным преступным проявлениям. В тоже время некоторые виды преступления не рассматриваются как такие, которые посягают на международную безопасность или связанные с обеспечением внутренней безопасности государств, и поэтому бороться с ними остается в сфере исключительно внутренней компетенции государств. То же самое можно сказать и про такие специфические преступления, как шпионство, разглашение сведений, которые составляют государственную тайну. Пока существует государство, тяжело представить себе, что все государства начнут сотрудничать в борьбе с такими преступлениями. Хотя в рамках интегрированных, подобных конфедераций, сотрудничество это возможно (С. 369).

Как указывает автор, интересным является еще один аспект влияния международного права на национальное уголовное право. Этот аспект может быть оценен как составляющая международно-правового регулирования национальных уголовно-правовых отношений на региональном уровне. И это, очевидно, тоже может быть отнесено к международному уголовному праву (с.369).

Итак, на вопрос, что же сегодня существует: международное сотрудничество в борьбе с преступностью или международное уголовное право, есть один ответ: происходит равномерное развитие обеих известных направлений международного сотрудничества в рамках более общего международно-правового сотрудничества по правовым вопросам (С. 370).